

3 октября 2015 года в старинном шотландском городе Эрлстоне торжественно открыли... памятник Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Под занавес церемонии Мария Королёва, потомок поэта по материнской линии и один из организаторов сбора средств на установку монумента, заявила: «Лермонтов очень хотел отправиться в страну своих предков... Мы исполнили его мечту». Что значили эти слова?..

Рождение, происхождение и вехи биографии Михаила Юрьевича всем известны. А вот почему его жизнь сложилась именно так – была столь же яркой, сколь и недолгой, – до сих пор остается загадкой.

Родился Лермонтов 15 октября 1814 года (по новому стилю) в Москве, в домике у Красных Ворот, который ныне утрачен. Но само место стало «мемориалом». Приблизительно на месте дома Лермонтовых с 1965 года стоит памятник поэту работы Исаака Бродского (знаменитый «мужик в пиджаке» из комедии «Джентльмены удачи»). Мать Лермонтова – Мария Михайловна, урожденная Арсеньева – происходила из древнего знатного рода Столыпинах. Отец – капитан Юрий Петрович Лермонтов, вроде бы незнатный на фоне родовитой супруги – по мужской линии был потомком выходца из Шотландии, офицера Георга (Джорджа) Лермонта.

Лермонт – офицер, нанимавшийся в воюющие армии. В 1613 году, во время войны Руси с Речью Посполитой, польско-литовскую крепость Белую осадили войска Дмитрия Пожарского. Ее защищали роты наемников: шотландская и ирландская. Осада продлилась недолго:

гарнизон совершил неудачную вылазку и был разбит. Капитаны наемников договорились о переходе на службу к недавно взошедшему на престол русскому царю Михаилу Романову и сдали город. Среди них находился Георг Лермонт. Он навсегда остался в России. Его дети и внуки обрусели. Но двумя столетиями позже той военной кампании один из потомков Георга Лермонта придал своему отдаленному шотландскому происхождению особое художественное значение. Это был Михаил Юрьевич.

Связь Михаила Лермонтова с Шотландией не ограничивается линией Георга Лермонта. Бюстовый памятник поэту в Шотландии установили в тех местах, где в XIII веке обитал бард Томас Рифмач, Томас из Эрселдуна. В наши дни название произносится как Эрлстон.

Томас Рифмач из Эрселдуна – фигура полулегендарная. Все, что нам известно о его жизни, больше относится к области преданий, чем к строгой фактографии, подкреплённой источниками. О существовании Томаса Рифмача повествует одноименная шотландская народная баллада. По-английски она называется Thomas Rumer и существует на языке оригинала в пяти версиях (событийный ряд в них схожий, но разнятся мелкие частности). Легенду записали собиратели фольклора в конце XVIII или начале XIX века. Самого известного собирателя звали Фрэнсис Джеймс Чайлд. А самым известным публикатором стал шотландский классик Вальтер Скотт. Одну из редакций он внес в сборник 1830 года «Порубежные баллады». В заметках Московского лермонтовского общества (на его странице «ВКонтакте») говорится, что вариант Скотта взят из рукописи некоей дамы, жившей близ Эрселдуна, то есть землячки Томаса.

На русский язык перевел балладу «Томас Рифмач» Самуил Маршак.

Над быстрой речкой верный Том
Прилег с дороги отдохнуть.
Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь.

Так вот, согласно поэтическим сказаниям, обитая среди людей, Томас Рифмач запомнился им своими предсказаниями. Он предрекал войны, смерти видных особ, включая королей, и даже пророчил, что Шотландия заключит союз с Англией (с которой в ту пору воевала, и противостояние растянулось на столетия).

По другому преданию, Томас Рифмач не умер, а ушел за двумя белыми оленями – и пропал из мира живых. Оленей якобы прислала за менестрелем королева фей, полюбившая его за стихи и песни. Волшебные животные показали ему путь к чертогу королевы. В некоей параллельной реальности Томас Рифмач до сих пор поет для королевы фей и ее свиты, а они вечно наслаждаются его искусством.

Михаил Юрьевич был уверен, что происходит из рода этого певца-сказителя. Спустя восемьсот лет в этом не усомнились официальные лица и деятели культуры из России и Шотландии.

Замысел «вернуть» Михаила Юрьевича на родину предков возник у россиянки Марии Королёвой. Его поддержали шотландцы: председатель Общества поэта Томаса Рифмача Гвен Харди и глава совета Эрлстона Джон Пейтон-Дей. Бронзовый бюст для эрлстонского сквера изготовил московский скульптор Степан Мокроусов. Он работал бесплатно, «за идею»; инициаторы собрали деньги лишь на покупку бронзы для изваяния. Установку памятника в Шотландии приурочили к 200-летию со дня рождения Лермонтова, которое отмечалось в 2014 году (об этом рассказывалось на сайте Генерального консуль-

ства России в Эдинбурге, столице Шотландии). Год спустя, в день рождения поэта по старому стилю, бюст Михаила Юрьевича был открыт под аккомпанемент русской и шотландской народной музыки, песен на стихи Лермонтова, его текстов на русском и английском языках. В церемонии и культурной программе участвовали официальные лица, в том числе Андрей Прицепов, тогдашний генеральный консул России в Эдинбурге.

Эрлстон – весьма литературный город. Говорят, что в Эрселдуне после ухода Томаса Рифмача поэзия осталась неотъемлемой частью жизни. Потому население городка было только радо увековечить память Лермонтова. Конечно, не без умысла: в Эрлстон стало приезжать больше русских туристов. Но и заведомое уважение местных жителей к творчеству нельзя сбрасывать со счетов...

Так, спустя двести лет после физической смерти, Михаил Лермонтов, никогда в реальности не посещавший Шотландию, «ступил» на землю пращуров.

Удивительно: сам Михаил отродясь не сомневался в шотландских корнях по отцовской линии, притом что «отцовский дух» из мальчика искореняли решительно. Мария Михайловна Арсеньева вышла замуж за Юрия Петровича Лермонтова, не достигнув возраста семнадцати лет. Слабая здоровьем молодая женщина скончалась, когда ее единственному сыну было два годика. Миша рос без матери и фактически без отца, хотя тот дожил до 1831 года (до семнадцатилетия гениального отпрыска). После смерти Марии Михайловны ее мать, строгая и властная Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, заставила Лермонтова отдать ей внука на воспитание. То ли потому, что дочка совершила мезальянс, то ли просто оттого, что была старуха кому бабушка, а кому теща... Елизавета Алексеевна никогда не ува-

жала зятя. После рождения внука, например, настояла, чтобы мальчика в честь деда нарекли Михаилом, тогда как в роду Лермонтовых «наследными» именами были Юрий и Пётр. А после смерти дочери завела тяжбу с зятем за Мишу, пустив в ход неоспоримый для небогатого Лермонтова аргумент – огромное состояние Столыпных. Вырос Михаил, фактически не зная отца, провел детство в бабкинском имении Тарханы Пензенской губернии. С Юрием Петровичем в нежные годы он не имел возможности общаться, пока не подрос и не поступил в пансион. А вскоре после того отца не стало. Умер Ю. П. Лермонтов 1 октября 1831 года и был погребен в селе Шипове Тульской губернии. К слову, в 1974 году его прах перевезли в Тарханы и перезахоронили на сельском кладбище рядом с церковью Михаила Архистратига, но не в семейном склепе, где покоятся бабушка, дедушка, мама и Миша. Отец как был при жизни «отрезанным ломтем», так и в смерти остался. Недаром Михаил обратился к нему в стихах со словами: «Ты дал мне жизнь, но счастья не дал; Ты сам на свете был гоним...» Это стихотворение родилось после похорон отца, которым суждено было стать одной из считанных «встреч» отца и сына.

Среди загадок семейной истории Лермонтовых-Арсеньевых есть и такая. Писатель Сергей Сурин, автор цикла видеолекций о жизни и творчестве Михаила Юрьевича, утверждает: шотландская ветвь Лермонтов породнилась с сэром Вильямом Гордоном, который женился на одной из девушек этого рода. Спустя примерно полтора столетия на Екатерине Гордон женился барон Байрон. В 1788 году у четы родился сын – Джордж Гордон Байрон. Таким образом, шотландские Лермонты связаны, хоть и не близкими, семейными узами (у англичан они элегантно называются «родня в законе») с крупнейшим мировым поэтом-романтиком. Лермонтоведам доподлин-

но неизвестно, знал ли Михаил Лермонтов про Байрона как родственника Лермонтов. Но с Джорджем Гордоном Байроном, безусловно, был «знаком» и преклонялся перед его поэтическим наследием. В реконструированном кабинете Михаила Юрьевича в государственном музее-заповеднике «Тарханы» над письменным столом красуются два портрета: лорда Джорджа Гордона Байрона в модном сюртуке и сэра Вальтера Скотта в клетчатом пледе. Мемориальные кабинеты обычно оформляют так, чтобы глубже раскрыть и выпуклее представить натуру их владельцев. Два изображения в рабочем кабинете русского поэта символизируют два «маяка», на которых ориентировался Лермонтов в своем творчестве.

«Байронический» тип одинокого, неприкаянного, отвергнутого миром героя появляется во многих стихотворениях и поэмах Лермонтова. Одна из поэм, испытавшая прямое влияние Байрона, – лермонтовский «Аул Бастунджи» (1833–1834). Фабула поэмы драматична: в высокогорном ауле живут два брата, старший Акбулат и младший Селим. Акбулат женится на прелестной молодой черкешенке. Селим влюбляется в жену брата и признается ей в любви, требуя принять его чувство и бежать с ним. Молодая женщина отказывается, потому что честь не позволяет ей пойти на измену. Влюбленный убивает ее и привязывает труп к спине коня брата, а сам скрывается в горах. Конь возвращается во двор; увидав страшную поклажу, муж сходит с ума и поджигает свою саклю – а от нее занимается весь аул. Впрочем, между строк читается, что дом мог поджечь и Селим: что терять тому, кто обречен на одиночество и позорную смерть?..

На рубеже XVIII–XIX веков близ горы Бештау реально существовал аул Бастунджи, но был разрушен русскими войсками. Любовная трагедия действительно разыгралась в одном из кавказских аулов и стала националь-

ным черкесским преданием. Лермонтов мог слышать мрачную легенду о любовном треугольнике и страшной мести и видеть развалины Бастунджи. Его поэтическое воображение объединило два «первоисточника» в яркую художественную ткань. Любовь к поэмам Байрона помогла создать центральный образ Селима, сугубо байронический тип – бунтаря, не просто влюбившегося в чужую женщину, но восстающего против нерушимости брака, против права старшинства, фактически – против всех устоев своего общества. Так что Лермонтов во многом «ориентировался» на Байрона. И он явно знал, что Байрон считал себя шотландцем. Шотландия «приросла» к судьбе Лермонтова прочными духовными пуповинами. Поэт не стремился разорвать полумифические узы. Они были ему не тесны – напротив, приятны.

Поэма «Аул Бастунджи» служит также «мостиком» между Лермонтовым и Вальтером Скоттом. Повествователь у Лермонтова начинает рассказ, глядя из более поздней эпохи на бурное прошлое, от которого остались одни развалины.

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрит от бурь и вольностью богат.
Его уж нет. Кудрявыми кустами
Покрыто поле: дикий виноград
Цепляясь вьется длинными хвостами
Вокруг камней, покрытых сединой,
С вершин соседних сброшенных грозой!..

Ни бранный шум, ни песня молодой
Черкешенки уж там не слышны боле;
И в знойный, летний день табун степной
Без стражи ходит там, один, по воле;

И без оглядки с пикой за спиной
Донской казак въезжает в это поле;
И безопасно в небесах орел,
Чертя круги, глядит на тихий дол.

Эти строки из «Аула Бастунджи» буквально перекликаются с одним из самых известных стихотворений Вальтера Скотта «Резня в Гленко».

– Зачем ты песнь свою завел
В Гленко? Зачем сюда забрел?
Зачем пал плач на тихий дол –
Он здесь сочувствия не сыщет.
Кто слушает тебя в Гленко?
Олень, ступающий легко?
Иль туча в небе высоко?
Иль коршун, что в полнебе рыщет?

(перевод В. Топорова)

«Резней в Гленко» называется массовая казнь представителей клана Макдональдов 13 февраля 1692 года. После Славной революции в Англии король Яков II Стюарт был низложен. Вместо него править стали его дочь Мария II Стюарт и ее муж Вильгельм III. Большинство шотландцев подняли восстание в надежде вернуть на престол свергнутого короля. Вильгельм III подавил бунт и выдвинул ультиматум, требуя от горных кланов присяги на верность. Черная ирония истории заключается в том, что вырезали клан Макдональдов, которые единственные из горцев присягнули королю и отправили ему о том письмо. Но почему-то король не получил бумагу (или сделал вид, что не получил), расквартировал в Гленко, родовом селении Макдональдов, своих сол-

дат, которые две недели пользовались гостеприимством шотландцев, а потом по тайному сигналу короля казнили всех жителей деревни моложе семидесяти лет. Эта история еще более подлая и кровавая, чем любовная драма в Бастунджи. Но итог один: поселение ушло с лица земли, оставив по себе мрачные воспоминания и прекрасные художественные тексты двух авторов из разных стран, никогда не встречавшихся в реальности, однако единых мыслями и духом. Похоже, шотландский баронет сэра Вальтера Скотта казался юному российскому дворянину Михаилу Лермонтову родней не только по аристократической крови, но и по шотландскому происхождению. Как и Джордж Гордон Байрон.

«Резню в Гленко» Скотт написал в 1814-м – году рождения Лермонтова. Вальтер Скотт, как и Байрон, для первой половины XIX века был автором воистину культовым. Нет сомнения, что Лермонтов читал его романы и стихи, так что сходство «Аула Бастунджи» и «Резни в Гленко» вполне объясняется причинами не мистическими. Напрямую связано со Скоттом еще одно стихотворение Лермонтова. Оно мало известно, но характерно для нашего героя.

Задолго до своей трагической кончины (при двадцати шести годах жизни четыре года – солидный срок!) Михаил Лермонтов написал «Балладу» на современном материале.

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон,
И кусал он, и рвал, и писал и строчил
Письмецо к своей Сашиньке он.
И он крикнул: «Мой паж! Мой малютка! Скорей!
Подойди – что робеешь ты так!»
И к нему подошел долговязый лакей,
Тридцатипятилетний дурак.
«Вот, возьми письмецо ты к невесте моей

И на почту его отнеси.

И потом пирогов, сухарей, кренделей –

Чего хочешь, в награду проси!»

«Сухарей не хочу и письма не возьму,

Хоть расплачься, высокий барон,

А захочешь узнать, я скажу почему,

Нет!.. Уж лучше смолчать», – и поклон.

Эти стихи были написаны в альбом светской красавицы по поводу ее предстоящей свадьбы: в 1837 году в Москве, в доме А. М. Верещагиной, в знак ее близящегося бракосочетания с вюртембергским министром иностранных дел бароном Гюгелем («Югельский барон»). Поэт как раз ехал в первую кавказскую ссылку и был чрезвычайно желчен. Он написал первые пятнадцать строк (до слов «А захочешь узнать, я скажу почему»), задав направление в сторону баллады «шотландского чародея», на тот момент лишь недавно, в 1832 году, покинувшего сей мир.

Это единственная дошедшая до нас литературная пародия Лермонтова. Ее «объект» – баллада Вальтера Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», бытующая в русской поэзии в переводе Василия Жуковского.

До рассвета поднявшись, коня оседлал

Знаменитый Смальгольмский барон;

И без отдыха гнал, меж утесов и скал,

Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил

На военное дело барон;

Не в кровавом бою переведаться мнил

За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Кажется, перевод «Замка Смальгольм» Жуковским по сей день остается единственным русскоязычным вариантом. В сети указывается, что это стихи Жуковского. Утверждение ложно. Оригинал создан Вальтером Скоттом. В нем очень много шотландских топонимов.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подьется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Лермонтов задал пародии не только форму, но и содержание. Она, как и «Замок Смальгольм», посвящена адюльтеру. Однако Скотт сделал из этого классического сюжета длинную и жутковатую балладу с сильной примесью мистики. Смальгольмский барон, снарядившись как на войну, поехал выслеживать и убивать любовника своей молодой жены. Это ему удалось, но, вернувшись в замок и допросив пажу, которому поручил следить за женой, барон узнал: дама снова ходила к маяку и встречалась там с возлюбленным уже после того, как... Ричард Кольдингам в Иванов вечер в последний раз явился своей подруге и рассказал, что с ним произошло. Он был убит ревнивцем, но не принят небесами. За грех свой оказался оставлен между миром мертвых и миром живых и был навеки приговорен скитаться на месте тайных свиданий с чужой женой. Призрак исчез. Вскоре после того барон и его жена ушли в монастырь. Лермонтов, безусловно, знал первоисточник. Но из-под его ядо-

витого пера вышла гораздо более «сниженная» история на тему супружеской неверности. Что, конечно, не очень красиво для поклонника Вальтера Скотта, повесившего портрет «шотландского чародея» на стене своего кабинета. Однако мы знаем, как любил Михаил фраппировать благопристойное общество (сделать такой намек невесте перед свадьбой тоже не слишком-то деликатно) и ниспровергать авторитеты... Лакей уверяет барона, что у его невесты «обожателей рать», и не хочет нести ей любовное послание. На этом месте ехидный Лермонтов положил перо.

Финал у пародии благополучный, хотя и несравненно более косноязычный.

Рассмеялся барон – так уверен был он.
«Ты малютка, мой паж молодой!
Знай!.. Ты сам ослеплен! Знай! У северных жен
Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде; – Ей, как вечной звезде,
Ей вверяюсь, как самой судьбе!
Так!.. Снегов в стороне, будет верною мне!»
<...>

Дело в том, что окончание сочинила кузина Верещагиной Варвара Анненкова. Она очень постаралась смягчить все выпады Михаила Юрьевича. Получилось, конечно, двусмысленно: по сути, барон уверен, что молодая супруга не изменит ему лишь потому, что не с кем будет в тех

краях, куда они отправляются... И все же соавторство принесло плоды. Даже не литературовед заметит, где кончаются слова Лермонтова и начинается текст Анненковой. Но благодаря вмешательству барышни баллада-пародия звучит почти добродушно. А почему Лермонтов выбрал для записи в альбом вальтер-скоттовский образец? Видно, потому, что Шотландия никогда не выходила у него из головы...

И еще одно «пересечение» Вальтера Скотта и Михаила Лермонтова. Эпиграфом к 26-й главе знаменитого романа «Роб Рой» о благородном разбойнике служит шестистишие, в книге подписанное просто «Грэй».

Народ железный там живет в горах,
Он жителю равнин внушает страх.
Твердыню скал обводит гордый глаз,
Приют нужды и воли, – и не раз
Уверенностью вскормленная сила
Низине разорением грозила.

Имеется в виду Томас Грэй (1716–1771), английский поэт, писатель, ученый и профессор, более всего прославившийся благодаря «Элегии, написанной на сельском кладбище». При жизни Скотта популярность этого автора была так велика, что не было нужды для образованной публики указывать имя. «Грэй» – как много позже «Высоцкий». Грэй много путешествовал по Британии, побывал в Йоркшире, Дербишире, Озёрном крае и Шотландии. Судя по всему, как раз из Шотландии он «вывез» лестный для горцев их коллективный портрет, вряд ли соответствующий действительности – зато полностью отвечающий духу романтической поэзии. С подобным пиететом Михаил Лермонтов относился к кавказским горцам (а Кавказские горы, нетрудно догадаться, в его глазах

олицетворяли собой Шотландию). Смотрите, какое уважение сквозит в поэме «Черкесы»!..

Восстал вдруг князь и говорит:
«Черкесы, мой народ военный,
Готовы будьте всякий час,
На жертву смерти – смерти славной
Не всяк достоин здесь из вас...»

<...>

Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мещет
В горах, и в долах, и в лесах;
Во граде жители трепещут;
И гул несется в небесах.

Весь этот боевой пейзаж весьма «родственен» тому, как предстали шотландские горцы Грэю.

К слову, ища истоки своей непривычной для русского уха фамилии, Михаил обращался и к воителям иных стран. Он дошел до испанского герцога Лермы. Такой титул король Филипп III придумал в 1599 году для своего фаворита Франсиско Гомеса из рода Сандовалей, который ранее был наследным маркизом Дения. Титул король произвел от названия муниципалитета Лерма в провинции Бургос, месте нахождения дворца первого (наиболее известного) герцога Лермы. Этот самый герцог Лерма однажды... явился Михаилу во сне. Воодушевленный вероятным родством с испанским аристократом Михаил даже нарисовал на стене портрет Лермы из своего сновидения. Но от испанской версии Лермонтов вскоре отказался. От Шотландии отречься не получилось. Точнее, он и не пытался.

Лермонтов сочинял и собственные, абсолютно «незаемные» стихи о Шотландии. В том же 1831 году, когда

Юрий Петрович Лермонтов ушел из жизни, практически не знавший его благодаря «семейной идиллии» сын написал стихотворение «Желание». В хрестоматию оно не входит. Школьное «изучение» наследия Лермонтова базируется на «трех китах» гражданско-патриотического характера: «Бородино», «Родина» и «Как часто, пестрою толпою окружен...». И на романе «Герой нашего времени». Стихотворение, о котором идет речь, совсем другого свойства (я бы даже сказала – и другого роду-племени).

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

Там на древней стене их наследственный щит,
И заржавленный меч их висит.
И я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?

Это стихотворение – наиболее «шотландское» из всей поэтической короны Лермонтова. Окликает ли оно только шотландские корни по отцовской линии? По-видимому, все романтичнее. «Желание» восходит не к материальным и юридическим фактам, а к тому, что составляло, если можно так выразиться, жизнь души Лермонтова: к легенде о Томасе Рифмаче.

Уже в наше время проводились исследования ДНК Михаила Лермонтова. Прямых «родственников» в Великобритании у поэта не оказалось. Но некоторые исследователи полагают, что хромосомный узор русского поэта соответствует легенде о шотландских корнях. А психологический рисунок его природы повторяет, вероятно, априорную мистичность, которая считается национальным духом кельтских народов. «Родство» Лермонтова с Томасом из Эрселдуна, конечно, никакими научными изысканиями не подтвердить. Но не говорит ли сама за себя склонность писать стихи, проявившаяся у Михаила лет в двенадцать и ставшая постоянным его средством общения с миром уже в отрочестве? Не проявляется ли она в свойственных Лермонтову странных предвидениях собственной судьбы, отражавшихся в стихах?.. Помните дар предсказаний Томаса Рифмача?..

«Автопророчества» Лермонтова «сгущаются» в поздние годы его жизни (в преддверии двадцати шести лет). Это стихотворения «Завещание» 1840 года («На свете мало, говорят, / Мне остается жить!») и «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») 1841 года, буквально рисующее сцену дуэли. В обоих этих провидческих

стихах фигурирует пуля, вошедшая в грудь лирического героя. Пуля убила и самого Лермонтова. Причем она вошла в тело снизу вверх под углом тридцать пять градусов – нетипичная картина для огнестрельного ранения. Дуэль и гибель Лермонтова до сих пор рассматриваются как исторические загадки (есть версия о подосланных убийцах). Это, безусловно, интригующая тема. Но не менее интригующе выглядит, на мой взгляд, постоянный мотив «чужестранства», который Лермонтов развивал в своем творчестве с молодых ногтей – и до безвременной гибели. Впрочем, в этом контексте гибель во цвете лет оказывается закономерной и едва ли не желанной...

Даже в общеизвестных стихах и поэмах Михаила Лермонтова много свидетельств ощущения себя в чуждой среде. Образы из тех стихов Лермонтова, что на слуху, выстраиваются в логический ряд странничества, бесприютности, окружающей враждебности. Дубовый листок, оторвавшийся от ветки родимой и не нашедший приюта учинары, хотя и униженно молил о нем. Его «антагонист» – утес, плачущий после расставания с тучкой золотой, облюбовавшей его каменную грудь для краткой ночевки. Парус, просящий бури. Мцыри, убежавший из монастыря и жалевший не о том, что его потрепал барс и что жизненных сил остается мало, а лишь о том, что «вкушая, вкуших мало меда». Персонаж, выходящий один на дорогу. Стихотворение «Выхожу один я на дорогу» можно рассматривать как вольную практику медитации!.. Михаил был готов навек погрузиться в медитативный сон, в котором бы «всю ночь, весь день мой слух лелея, про любовь мне сладкий голос пел...» Мне видится в этом описании «индивидуального рая» Лермонтова явная параллель с пребыванием Томаса Рифмача в царстве фей.

Все эти черты лермонтовской поэзии обычно трактуются как его выпады против высшего света, в котором

у Михаила не было ни единой близкой души, и против николаевской реакции (каковая нередко обрушивала на поэта различные кары, но, будем справедливы, заслуженно). Безусловно, социально-политическая трактовка имеет под собой основания, потому она и прижилась в литературоведении. Но, на мой взгляд, метафоры одиночества и чужеродности Лермонтова можно рассматривать и как стихийные свидетельства его национальной самоидентификации. Возможно, Михаил Юрьевич видел себя шотландским воином на чужой земле, а не русским офицером и русским поэтом?.. Такому истолкованию поддается, скажем, образ «тучки небесные, вечные странники».

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Мало того, что поэт прямо называет себя «изгнанником», он еще и задает любопытную географическую диспозицию: «С милого севера в сторону южную». По большинству свидетельств, стихотворение «Тучи» Лермонтов написал в апреле 1840 года, в день отъезда на Кавказ во вторую ссылку за дуэль с Барантом. Север в этом контексте представляется поэту милее, чем юг, несмотря на объективные реалии: тепло, изобильно, опять же, от начальства подальше... С равным успехом можно предположить, что под «севером» понимается и Петербург (а под югом – Кавказ, где стреляют и куда поэт послан в порядке наказания), и мистическая Шотландия, обитель лермонтовского духа (тогда «юг» надо воспринимать гораздо шире, как всю Россию). «Тучи» – еще одно из пророческих предсмертных стихотворений Лер-

монтова, что подкреплено обильными свидетельствами современников.

Второй кавказский период для Михаила Юрьевича был продуктивен. Как уже говорилось выше, во время службы на Кавказе у Лермонтова родилось много стихов и поэм, рисующих горцев в привычной для них среде обитания. Плюсом к уже упомянутым назову поэмы «Кавказский пленник», «Сашка», «Измаил-Бей», «Хаджи Абрек». Даже великий «Демон» дислоцирован на Кавказе (а теперь по курортам края ставят этому герою Лермонтова памятники наряду с его создателем)!.. Но, несмотря на литературную «плодовитость», навеянную Кавказом, несмотря на декларируемое восхищение горцами, поэт не хотел задерживаться в этом краю и вообще служить в армии. Зимой 1840–1841 годов Михаил прибыл в столицу на время отпуска и хлопотал о выходе в отставку: мечтал посвятить себя писательству. Помехой выступил даже не царь. Очередную роковую роль в судьбе внука сыграла любящая и авторитарная бабушка Елизавета Алексеевна. Арсеньева мечтала о военной карьере для внука, своего «Мишеля». Литературное творчество было в ее глазах занятием презренным. Мишель не посмел ослушаться бабушку. Правда, есть версия (высказанная, в частности, Борисом Голлером в романе «Синий цвет вечности»), что Елизавета Алексеевна хлопотала о переводе Мишеля в адъютанты вместо отправки в действующую армию. Но такая «синекура» Мишелю не досталась, и весной 1841 года он отправился обратно в полк, всем петербургским знакомым рассказав о том, с какой неохотой это делает. Чтобы подольше задержаться в отдалении от театра боевых действий, Лермонтов выхлопотал себе направление на воды в Пятигорск с формулировкой «для лечения». Пребывание Михаила Юрьевича Лермонтова на курорте последним летом его жизни хорошо

изучено по многочисленным письмам и воспоминаниям других «курортников». По ним судя, то была чередой сплошных удовольствий. Мишель снял флигель во дворе дома генерал-майора Петра Семёновича Верзилина, дальнего родственника своей семьи. Поэт принимал ванны в источниках Пятигорска и будущего города Железноводска, кутил с приятелями, ездил с дамами на пикники к Провалу и в горную беседку «Эолова арфа», подарил свое имя «гроту Лермонтова», который ныне входит в туристический маршрут... А потом получил вызов от Мартынова. Дальнейшее понятно.

Бурное пятигорское лето Лермонтова интересно нам двумя эпизодами.

Первый. Лермонтов с Кавказа писал к бабушке и просил выслать ему свежее издание собрания сочинений Василия Жуковского и полное собрание Шекспира по-английски. Из этого факта ряд биографов делает вывод, что Михаил лелеял некий литературный замысел. Упомянулось о его намерении начать роман о покорении Кавказа русскими. Но к чему тогда Жуковский – романтик, переводчик романтической поэзии – и Шекспир в оригинале?.. Возможно, у Лермонтова возникли и другие виды – на роман или поэму в вальтер-скоттовском духе, на английской или шотландской почве (не забудем, что Шекспир поэтизировал историю шотландского короля Макбета)?.. Или он хотел заняться переводами, подобно Жуковскому?.. Теперь уже никто не узнает.

Второй. Писатель Сергей Сурин, изучая последние дни жизни Лермонтова, нашел, что прямо перед дуэлью, где-то в час дня 15 (27) июля, Михаил, вернувшись из Железноводска, поехал из Пятигорска на пикник в станицу «Шотландка», или «Шотландская колония Каррас». Это местечко было основано в начале XIX века шотландскими миссионерами. На пикнике были в числе гостей брат

Пушкина Лев и дальняя родственница Лермонтова Екатерина Быховец. Быховец напоминала поэту Варвару Лопухину. В сентиментальном порыве Лермонтов утащил у нее бандо (повязку) и сунул себе в карман. После дуэли на теле поэта нашли деталь дамского убора – всю в крови...

По мнению Сурина, непосредственно с того пикника Лермонтов поехал на место дуэли со всеми четырьмя секундантами. Поездка в «Шотландию» в самом финале земной жизни представляется естественной развязкой шотландского «заикливания» в судьбе поэта.

Увы, со стопроцентной точностью ответить на вопрос, был ли Лермонтов шотландцем по крови хоть на мизерную долю, не помогло даже изобретение ДНК. Но несомненно то, что Михаила Юрьевича всю его недолгую жизнь преследовала тоска по чему-то очень далекому, практически недостижимому... Эта тоска «персонифицировалась» в образе Шотландии. И она же сделала Михаила тем невыносимым, злоязычным человеком, какого описывают современники. На мой взгляд, даже хрестоматийная «Родина» содержит «привет из Шотландии», как бы причудливо это ни звучало. Всем памятна ее первая строфа.

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Признание через отрицание – избитый поэтический прием. Лермонтов вроде бы следует его канону, переходя к объяснению в любви.

Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Но по тексту выходит, что объектами «странной любви» к родине у Лермонтова являются русская природа и явления неодушевленные! Наибольшее восхищение в нем вызывают степи, леса, реки и ночной путь – снова одинокий, как в стихотворении, ставшем романсом. Ночной путь описан пронзительно и горделиво.

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

Поэт здесь как будто упивается своей неприкаянностью, одиночеством в ночи, следованием к неизвестной цели – «ночлегу» как объекту мечты!.. Ведь в ином случае он бы свернул к любому из дрожащих огоньков. Но нет, «печальные деревни» как пристанище даже временное не котируются!.. Лермонтовский обоз ночует в степи, о чем говорится прямо.

Может быть, коль скоро поэт не сворачивает к реальным огням, его «ночлег» – это метафора недостижимого замка Томаса Лермонта?.. Стихотворца тянет в мифическую Шотландию, а не в подлинную сельскую Россию. Окружающая действительность проигрывает мечте, ибо неспособна одолеть по части привлекательности Фату Моргану!..

Правда, в этом же стихотворении есть несколько строк, на которые в школьной программе указывают как на предпочтение простых сельских радостей забавам высшего света.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Но почему бы не предположить, что, когда Михаил наблюдает признаки зажиточного крестьянского хозяйства, в нем говорят кровь и воспитание рачительной хозяйки Елизаветы Алексеевны? Практичная бабушка наладила в свое время такое хозяйство в Тарханах, что мельница до сих пор в рабочем состоянии. На ней мелют ржаную муку, из которой пекут кислый хлеб и подают его гостям в столовой музея-заповедника. Среду взросления, точно прах с ног, не отряхнешь... Тем более что это едва ли не единственное обращение Михаила Юрьевича в стихах к крестьянскому быту. В общем-то, «Родина» – не такой явственный гимн своей «шотландскости», как «Желание», но совершенно прозрачное высказывание «наперекор». На последние Лермонтов был мастер.

Куда чаще, чем любовь к людям вообще и простому народу в частности, в текстах Лермонтова встречаются обмолвки того вида, что мы сегодня называем «оговорками по Фрейду». Одни говорят о неуважении поэта к собеседникам (собеседницам)...

«К*»

Делись со мною тем, что знаешь;
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чорт душа твоя!..

Перевод из Шиллера. Отчего-то из всего наследия немецких романтиков, Гёте и Шиллера, Михаилу Юрьевичу оказались близки только спящие «горные вершины», одинокие сосна и пальма, мечтающие о друге, но разделенные гигантским расстоянием и неспособные соединиться, и вот эта великосветская грубость.

Более того! Другие реплики выражают, что Лермонтов не воспринимает себя как полностью русского.

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

То ли «Я русский, и потому люблю...», то ли, что слышнее: «Подобно русскому, я люблю то, что для русского свято». Всего одно есть у Лермонтова стихотворение, где он вроде бы расписывается в своей «русскости».

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит,
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!

Написано в 1832 году (через год после «Желания»). Лермонтову, на минуточку, восемнадцать лет. Столь юный

человек буквально фонтанирует отчуждением от людей, пренебрежительно называя их «толпой». Юношеский максимализм?.. Не только. Ключевое слово стихотворения – «другой» – дает право читать его в психотерапевтическом смысле, наподобие теста Роршаха или рисунка, из которого психологи делают далеко идущие выводы. Автор признается в том, что он всегда и всем «другой», чужой. Конечно, каким еще может быть для социума человек, чьи думы знает только Бог?.. Он не собирается раскрывать глубины своей личности «толпе» (вопросом, стоит ли ожидать ответной симпатии, даже не задается). Истинный посыл стихотворения «Нет, я не Байрон, я другой» – неприятие окружения и существующего порядка вещей, а не «русская душа».

Ответ «русской душе» Лермонтов даст через восемь лет, в другом программном стихотворении, «Как часто, пестрою толпою окружен...». Напомню его окончание.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы (опять! – Е. С.) людской спугнет мечту мою,
На праздник нѣзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Лирический герой декларирует, что своему неуважаемому окружению он никогда не откроет душу, не поговорит с ним доброжелательно, а будет «смущать» его своею «горечью и злостью». Стоит ли на этом фоне доверять молодому самопризнанию о «русской душе»?..

Полагаю, мизантропами лирические герои Лермонтова становились вряд ли из-за одной «николаевской реакции». Давление со стороны режима еще усиливало его «миграцию в себя». Что было первичным? Красивая

легенда о Томасе Рифмаче, сопровождавшая поэта с детства и дававшая прекрасное обоснование его исключительности? Или сама исключительность, неумение жить в социуме? Но, так или иначе, выдуманный мир идеальной Шотландии был Лермонтову ближе реального мира бабушкиного поместья, учебных заведений, полковых пирушек. «Чужестранец», или «другой», Лермонтов вырос, точно та сосна на севере диком – один как перст, никому не нужный, никого не любящий... Возможно, устав от обособленности, он, как его средневековый идеал, тоже решил уйти за двумя белыми оленями?.. Вдруг они привиделись ему ближе к вечеру 27 июля 1841 года на склоне горы Машук?.. И потому Лермонтов выстрелил не в Мартынова, а в воздух. Чтобы не убить – а быть убитым. И попасть наконец в Эрселдун.

Спустя почти двести лет он все-таки попал в Эрселдун – Эрлстон. Надеюсь, мятежная и неприкаянная душа теперь успокоилась.